

РОЩА ПАМЯТИ

*В Польше сносят памятники
Великой отечественной войны.*

Информация из СМИ

На вопрос мальчишки, совсем простой,
Непростой ответ у фронтовика:
«Почему рукав пиджака пустой?» —
«Потому что в Польше рука!»

И мальчишка замер, изумлен:
«Деда, расскажи про бои!» —

«Там погиб гвардейский батальон,
Боевые братья мои!

Там, под переправую через Буг,
Кровью пропиталась земля!
Там лежат герои —
И столько рук!!!
Вот бы их сложить в тополя —
Чтобы встала роща над рекой,
Там, где берег бомбами взрыт!

В ней —
Друзьям, навеки нашедшим покой,
Соловьи бы пели навзрыд,
В ней —
Цвели б медалями на сукне
Кителей
Тюльпаны ее полян,
В ней —

Сажали б саженцы по весне
Внуки ветеранов спасенных стран...

Не разрушить варварам, не снести б
Эту Рошу Памяти, что на века,
Где зеленой веточкой
Зашелестит
Правая моя рука...»

ПРАГА И ДРЕЗДЕН

Справка: в стихотворении упоминается фамилия Конев. Маршал И. С. Конев — это главнокомандующий 1-м Украинским фронтом, бравшим Прагу в мае 1945 года. Остальные фамилии — великих художников: они общеизвестны. Кроме, пожалуй, одной: Муха — это фамилия выдающегося чешского художника.

Я был в них недолго, почти что проездом.
Невольню я сравнивал Прагу и Дрезден,
Порой столбенея от недоуменья,
Что нету, увы, никакого сравненья!

Да, Дрезден хорош: в нем Собор, Галерея —
Но все-таки сколько же в нем новодела!
А древняя Прага казалась мудрее:
Глазами веков прямо в душу глядела!

Я в Прагу влюбился — скажу без утайки!
И то, что спасли ее русские танки
И русские «Иль» ее не бомбили,
Лишь веские плюсы в любви этой были!

Представьте же: май, купола, базилики —
И павших солдат светоносные лики,
Такие, что впору писать на иконах!
Одну я назвал бы «Святые и Конев»...

А Дрезден? Про это вы знаете сами —
А Дрезден в руинах, сожжен небесами:
Союзное войско, пехоту жалея,
Сожгло, разбомбило его Галерею.

И тысячи жителей мирных сгорели —
А с ними Веласкесы и Рафаэли.
И тысячи беженцев, чаще невинных —
И сам Леонардо? — погибли в руинах.

И тысячи пали от бомб равнодушных —
Конечно, врагов, — но, считай, безоружных,
Желающих плена, как манны небесной.
А вдруг среди них Тициан неизвестный?

А вдруг среди тех, что решили сдаваться,
Ван Дейк, Веронезе, Ватто, Караваджо?
Но в плен их не взяли — теперь «на иконах»
В аду они пишут «крылатых драконов»!

А летчик, сгубивший Сандро Боттичелли,
Черней всех чертей там
И дьявольской черни! —

Любой его хает, и всяк его судит,
Что прежнего Дрездена больше не будет,
И в нем не бывать — в силу высших законов —
Иконы, подобной «Святые и Конев»...

Из мертвых колодцев — воды не напиться:
Дай Чехия Дрездену иконописцев,
Дай Прага Германии нового Муху —
Утешить, утишить немецкую муку!

Поскольку иконы, вы знаете сами,
Не пишутся горем одним и слезами,
Не пишутся душ, даже быта уродством —
А пишутся мудростью и благородством,

А пишутся мужеством, великодушьем,
И верой! И братством — славянским оружием —
Как в Праге в конце боевого похода
Победной весной 45-го года...

МОРАВСКО-ОСТРАВСКИЙ ОРЕШЕК

Верю я, что общую Победу
Чтить наш общий мир не перестал!
И на Праздник в Чехию поеду:
В личный тур — по дедовским местам.

Посещу Моравию, Судеты,
Одру и Карпатский перевал —
Передам поклоны и приветы
Тем краям, где дед мой воевал.

Здесь, в горах, я думаю, пореже
Спесь гремит в победный барабан —
Здесь Моравско-Остравский орешек:
Долго нам он был не по зубам.

Спросят: «Что ты вспомнил это? Кто ты?» —
Тот я, в чьем роду фронтовики,
Знающий, как остравские доты
Здесь косили русские полки.

И не свитки сталинских приказов
Положить хочу я на весы,
А дороги дедовских рассказов,
Вздохов, умолчаний и слезы.

Наших мертвых не вернуть обратно:
Что им наша спесь и наша лесть?
У весны победной — были пятна!
Что же? — И на солнце пятна есть!..

И когда помянем и отплачем,
То, последний выплеснув елей,
Поблагодарим и неудачи —
Завтрашних побед учителей.

И не попеняем генералам,
Чтя их путь и нимбы их седин, —
Хоть порой, увы, не гениальным! —
Все же дед вернулся — невредим...

ПРАЖСКИЙ ХЛЕБ

Не знаю, для чего мне продиктован
Такой сюжет — уж слишком он нелеп
Тем, что так прост —
Как в Праге в продуктовом
Я покупал обычный пражский хлеб.

Добавить нужно, что, дешевый самый,
Так вкусен был он, что по вечерам
Мой поздний ужин: с ним, с домашним салом
И с крепким чаем — равен был пирам!

Вы спросите: а что же в рестораны
Ходил я редко? Кроны, что ль, берег?
Все просто: реагировали странно
Там иногда на русский говорок.

И навсегда запомнилось, как жарко
Сказала что-то в сторону мою
Официантка, старая пражанка,
На просьбу лишь расшифровать меню...

Но пан седой —
У Свободы солдатам

Он воевал —
Был вежливым со мной:
«Прости: они забыли сорок пятый,
А только помнят шестьдесят восьмой...»

Да ладно, брат: плевать мне на интриги,
Коль по сердцу мне Праги купола
И хлеб ее, похожий на ковриги,
Какие в детстве бабушка пекла!

Есть чай пока и даже сала малость —
Все остальное, право, «се ля ви»...
И долго-долго мне не засыпалось,
И я писал о Праге и любви.

В САЛАСПИЛСЕ

Во время оккупации Латвии в фашистском концлагере Саласпилс у советских детей насильственно брали кровь. Ребенку, ослабевшему и не способному ее давать, чтобы не прерывался злоеущий, но остродефицитный конвейер крови, — под видом каши предлагали ложку травы...

Из объяснений экскурсовода

...И прозрачны, трепетны и тонки,
Как весной картофеля ростки,
Забелели детские ручонки,
Детские возникли хохолки.

Закричали рты, — и в каждом слове,
В шелесте срывающихся фраз
Слышалось:
«Верните кровь нам. Крови,
Той, что доктор выкачал из нас!..»

Доктор, и заботливый, и ловкий,
За троих работать успевал:
Шприц вонзая, гладил по головке,
Слабым — кашу ложечкой давал.

Шли в барак отведавшие каши,
И потом на глиняном полу
Янисы, Володьки и Наташки —
Умирали, скорчившись в углу.

И опять, огромны и бездонны,
В лагерь приходя порожняком,

Отъезжали, булькая, бидоны
С кровью детской, будто с молоком.

Спецкорабль отчаливал от пирса,
Самолет груженный вылетал...
Детские могилы Саласпилса,
Сколько вас? Никто не сосчитал.

Встану молча —
Будто к изголовью,
Чувствуя с жестокой простотой:
Кровь детей —
Не смоешь даже кровью,
Даже карой, страшной и святой!

* * *

Там, под Бежецком, живет
Одинокая береза —
Тетя Тоня, счетовод
Прежде славного колхоза.

Все сосчитаны года —
Их четырежды по двадцать.
И не хочет никуда
Тетя Тоня перебраться.

У нее ведь огород
И родные на погосте,
У нее два раза в год
Из Москвы бывают гости.

Не спеши же, ангелок,
В добрый дом ее явиться,
Где на фото, словно Бог,
Мальчик с ромбами в петлицах...

ЩЕПОТЬ СОЛИ

Я был рожден во времена,
Когда закончилась война
Победою!
О них шпана
Теперь кричит как о суровых,
Где правил злобный вурдалак.
Не знаю: врут иль было так —
Я помню гордость, а не страх,
И хлеб,
Бесплатный хлеб в столовых.

Уроки кончены, и вот
Туда, где свой, родной народ,
Сережка в очередь встает,
А мы, пока он достоится —
За стол!
И солюшки щепоть
Посыплешь щедро на ломоть:
Как радуются дух и плоть —
Ах, видели б вы наши лица!..

В стране пятнадцати столиц
Таких сегодня нету лиц!
Не зря рекламный русский фриц
Мне предлагает все и сразу:
Лишь только бы молчал я впредь
О гордости победной, —
Ведь
Я — хлеб, какому не черстветь,
Я — соль та, равная алмазу!..